

УДК 81'23
ББК 81.001.3

О.А. Шевченко

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ КАТЕГОРИИ ЭМОТИВНОСТИ

В статье рассматривается вопрос функциональной значимости категории эмотивности, определяется место эмотивной функции в ряду других его функций, изучаются взгляды различных ученых на проблему реализации эмотивной функции. На основании полного анализа представленных подходов автор дает свое видение обозначенной проблемы и отмечает, что в реальном функционировании эмотивные средства осуществляют, наряду с собственно эмотивной функцией, функции воздействия на адресата и регулирования его поведения. Эта взаимосвязь определяет особенность функционирования категории эмотивности – выполнение коммуникативно-прагматического воздействия на адресата, проявляющееся в косвенном влиянии на его поведение.

Ключевые слова: эмотивность, эмотивная функция, экспрессивная функция, эксплицитное и имплицитное выражение эмоций, регулирующая функция, функция воздействия, коммуникативно-прагматическое воздействие.

Шевченко Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации Пермского государственного технического университета
Тел.: (8922) 24-22-484
E-mail: osh@pstu.ru

© О.А. Шевченко, 2008

К существенным характеристикам категории эмотивности следует отнести ее функциональную значимость для организации высказывания и – шире – текста. При этом важно определить место эмотивной функции языка в ряду других функций.

Согласно Н.А. Слюсаревой, «функции языка представляют собой проявление его сущности, его назначения и действия в обществе, его природы, т.е. они являются его характеристиками, без которых язык не может быть самим собой» [Слюсарева, 1990, с. 564]. К числу важнейших функций языка она относит коммуникативную (функцию общения), и когнитивную (познавательную, гносеологическую функцию), метаязыковую (функцию языка быть средством исследования и описания языка в терминах самого языка), а также «эмоциональную функцию – быть одним из средств выражения чувств и эмоций» [там же, с. 158]. У Р. Якобсона эта функция получила название эмотивной, он связывал ее со стремлением «произвести впечатление наличия определенных эмоций, подлинных или притворных» [Якобсон, 1975, с. 158].

Эмотивную (в иной терминологии эмоциональную, или экспрессивную. – О.Ш.) функцию называют большинство ученых; спорным является вопрос о том, в каких случаях можно говорить о ее реализации.

Согласно Н.Б. Мечковской, «если в высказывании прямо выражено субъективно-психологическое

отношение человека к тому, о чем он говорит, то реализуется эмоциональная, или экспрессивная функция речи» [Мечковская, 2000, с. 18]. Такое определение эмоциональной функции критикует О.Е. Филимонова. Она, на наш взгляд, вполне обоснованно подвергает сомнению упоминание о «прямом выражении», аргументируя возражение тем, что «эмоции в речи могут не только выражаться непосредственно, «прямо», но и имплицироваться, или выражаться в сложной иносказательной форме, что часто имеет место в художественной речи» [Филимонова, 2001, с. 10].

Существует точка зрения, согласно которой экспрессивная и эмотивная функции тождественны. Именно такой точки зрения придерживался Р. Якобсон, отмечая, что «экспрессивная» или «эмотивная» функция (emotive function) имеет целью непосредственное выражение отношения говорящего к высказыванию [Якобсон, 1975, с. 350]. А. Фоолен пишет, что экспрессивная функция имеет дело с эмоциями: «Эмоциональное чувство говорящего выражается и передается экспрессивной функцией». Рассматривая данный вопрос, О.Е. Филимонова приводит пример Д. Кристала использования языка в «эмотивной» или «экспрессивной» функции. Д. Кристал описывает ситуацию, при которой человек прокликает свою трость, которую он несколько раз ставит к стене, а она постоянно падает. Ученый указывает: «Здесь нет обмена идеями, поскольку в комнате никого нет. Здесь мы имеем один из типичнейших случаев использования языка как средства избавиться от нервного напряжения в состоянии стресса. Это ярчайший случай того, что часто называют эмотивной или экспрессивной функцией языка. Эмотивный язык может быть использован вне зависимости от того, одни мы или нет» [Crystal, 1987, с. 10; Филимонова, 2001, с. 11].

В то же время существует точка зрения, согласно которой под экспрессивной функцией понимается выражение мысли. Эту точку зрения разделяет В.А. Аврорин, который включил ее в число четырех функций языка, среди которых он упоминает также коммуникативную, конструктивную (формирования мысли) и аккумулятивную (накопления общественного опыта и знаний). Эмотивно-волеятативную функцию В.А. Аврорин относит к функциям речи наряду с номинативной, сигнальной, поэтической, магической и этнической [Аврорин, 1975].

Существуют попытки представить функции языка в иерархическом порядке, при этом под языком понимается язык в действии, т.е. речевая деятельность. Такой подход к пониманию функций языка характерен, в частности, для Н.Б. Мечковской, которая пишет, что современные представления о функциях языка (т.е. его роли и назначении в жизни общества) могут быть систематизированы в соответствии со структурой коммуникативного акта как базового понятия теории коммуникации [Мечковская, 2000, с. 14]. Автор отмечает, что коммуникативная и познавательная функции являются основными. Они почти всегда присутствуют

в речевой деятельности, поэтому их иногда называют функциями языка, в отличие от остальных, не таких обязательных функций речи. «По-видимому, не бывает сообщений, выполняющих только одну функцию, но можно говорить о преобладании той или иной функции в конкретном речевом акте» [там же, с. 15]. Однако ее трактовка эмотивной функции, которую она называет эмоционально-экспрессивной, представляется недостаточно полной. По мнению Н.Б. Мечковской, «основным средством выражения эмоций в речи является интонация, и, кроме того, эмоции в речи выражаются также с помощью междометий и (значительно в меньшей мере) словами с эмоционально-экспрессивной коннотацией» [там же, с. 18]. На наш взгляд, сужение сферы действия эмотивной функции до интонации, междометий и слов с сильным экспрессивно-оценочным компонентом значения вряд ли оправдано. Наряду с вышеуказанными средствами эмотивная функция может реализоваться и широким спектром других языковых средств различных уровней. Именно такой подход к эмотивной функции, характерный для многих исследователей, изучающих репрезентацию эмоций в языке и речи (И.В. Арнольд, М.Н. Кожина, Д.Н. Шмелев и др.), представляется нам более обоснованным.

В настоящее время в лингвистической литературе выделено около 30 функций языка, но до сих пор авторами предлагаются разные точки зрения на их сущность и количество. Подробный анализ этого вопроса не входит в рамки настоящей статьи, однако представляется необходимым рассмотреть соотношение эмотивной функции языка с некоторыми функциями, релевантными для изучения функциональной значимости категории эмотивности. Такими функциями, на наш взгляд, являются регулирующая и функция воздействия.

Под регулирующей функцией языка, или функцией, контролирующей реальность, понимаются, с одной стороны, достаточно разнородные употребления языка от заклинаний, молитв до наименования кораблей [Crystal, 1987, с. 12] и, с другой стороны, разнообразное использование языка для контроля за поведением окружающих [Halliday, 1974, с. 16]. Реализация регулирующей функции определяется задачей приведения психического отражения мира человеком, его отношения к окружающей среде в наиболее полное соответствие с этой реальностью [Парыгин, 1986; Руберт, 1996]. Как подчеркивает И.Б. Руберт, регулирующая функция присуща любому типу дискурса. «Прямое или косвенное, актуальное или потенциальное, сознательное или неосознанное воздействие на получателя информации заключено в каждом тексте. В любой разновидности письменного речевого произведения можно выявить свой характерный арсенал средств и способов регуляции. Так, художественные произведения воздействуют на читателя через сложную систему образов, тексты массовой коммуникации формируют модели поведения путем коррекции ценностной ориентации читателя. Даже рассказ о каком-то

события может послужить адресату в качестве ориентира для собственного поведения в аналогичной ситуации. Аффективная речь собеседника также обладает воздействующей на слушателя силой. Таким образом, регулирующая функция присуща речи вообще и самым разнообразным типам текста в частности» [Руберт, 1996, с. 29]. Представляется, что при такой трактовке регулирующей функции фактически ставится знак равенства между воздействием и регуляцией. Отметив, что при таком понимании объем содержания становится безграничным, автор предлагает более узкую трактовку регулирующей функции, рассматривая как регулятивные тексты, нацеленные на то, чтобы снабдить адресата алгоритмом действий в определенной ситуации [Руберт, 1996; Беляева, 1992].

Сужение понятия регулятивной функции до понятия инструктирования относительно того, какие действия следует предпринять или от каких следует отказаться, увеличивает разрыв между эмотивной и регулирующей функцией. В то же время контроль за поведением окружающих может быть связан с выражением или возбуждением эмоций, поэтому естественно возникает вопрос о связи регулирующей и эмотивной функций языка. Эту связь очень наглядно иллюстрируют примеры М.А.К. Хэллидея. Основываясь на социолингвистических работах Б. Бернштейна и Дж. Тернера [Bernstein, 1972; Turner, 1972], М.А.К. Хэллидей приводит гипотетический пример поведенческого потенциала, связанного с определенным социальным контекстом – контролем над поведением ребенка, осуществляемым со стороны родителей. В описываемой ситуации ребенок, игравший во дворе с соседскими детьми, приносит домой пустую консервную банку, что шокирует мать, и она, в ужасе от принесенного ее ребенком трофея, обращается к ребенку, желая, с одной стороны, выразить свое неодобрение поступка ребенка, и с другой стороны, предотвратить подобные поступки в будущем. Ученый приводит открытый список фраз, с которыми мать могла бы обратиться к ребенку в такой ситуации: «*that sort of place is not for playing in*», «*I don't like you taking other people's things*», «*they don't want children running about there*», «*just look at the state of your clothes*», «*I am frightened you will hurt yourself*» [Halliday, 1974, с. 58]. Далее автор рассматривает эти и другие возможные в данной ситуации высказывания с точки зрения их сфокусированности на различных субъектах, объектах, окружении, на различных вариантах прагматических установок – апелляции к разуму, чувствам, прямой угрозе и т.п. Итак, приведенные примеры показывают, что в одном высказывании могут совмещаться реализации эмотивных и регулирующих интенций, причем выбор выражающих их лексико-грамматических средств очень широк.

Особого внимания заслуживает выявляемая многими лингвистами функция воздействия. На противопоставленность двух функций – сообщения и воздействия – и соответствующих им стилей языка указывали

многие отечественные (В.М. Жирмунский, М.С. Чаковская, Л.В. Щерба и др.) и зарубежные (Ш. Балли, А. Мейе и др.) лингвисты. Рассматривая проблему соотношения этих функций, М.С. Чаковская пишет: «Можно считать, что существуют два вида языковой деятельности: с одной стороны, то употребление речи, которое имеет в своей основе интенцию сообщения (т.е. стремится к передаче однозначной интеллективной информации), с другой стороны, те речевые произведения, которые не ограничиваются интеллективной стороной передаваемого сообщения, а связаны с определенным воздействием на чувства путем создания особых эффектов и впечатлений и служат для передачи различных экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов» [Чаковская, 1986, с. 10]. Но при этом она далее указывает, что термины «функция сообщения» и «функция воздействия» условны и их не следует понимать в буквальном значении, поскольку исходя из современной теории информации все, включая художественное творчество, может рассматриваться в широком коммуникативном плане. Такие названия, как «эстетическая информация», «поэтическая информация», «художественная информация», как указывает автор, получили достаточно широкое распространение. Научная речь также не может быть сведена к простому сообщению фактов. Теоретическое противопоставление этих двух функций отнюдь не означает отсутствия между ними диалектической связи [там же].

О связи воздействующей и эмотивной функций языка убедительно пишет В.И. Шаховский: «Эмотивность является важнейшим компонентом прагматики языка, так как наиболее ярко воплощает в себе его воздействующую функцию: словесные и несловесные эмоциональные реакции наиболее чутки к эмоциональным стимулам, в роли которых могут выступать и эмотивы – специальные средства всех «этажей языка» [Шаховский, 1987, с. 5].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что эмотивная функция языка является одной из важнейших и выделяется как самостоятельная функция большинством исследователей. В то же время, какие бы основания ни подводили лингвисты под выделение той или иной функции, оказывается, что эмотивная функция может осуществляться одновременно с другими функциями языка. В реальном функционировании эмотивные средства осуществляют, наряду с собственно эмотивной функцией, функции воздействия на адресата и регулирования его поведения. Поэтому учет взаимодействия эмотивного, экспрессивного и оценочного компонентов в значении эмотивных языковых средств при анализе рекламных текстов является объективной необходимостью.

Таким образом, эмотивность – это лингвистическая категория, через которую эмоции, чувства, переживания отражаются в языке и речи. Ее функция заключается в реализации переживания субъекта, но особен-

ностью ее функционирования является выполнение коммуникативно-прагматического воздействия на адресата, проявляющееся в косвенном влиянии на его поведение.

Литература

1. *Аврорин В.А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Л., 1975.
2. *Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961.
3. *Беляева Е.И.* Грамматика и прагматика побуждения. Воронеж, 1992.
4. *Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика. М., 2000.
5. *Парыгин Б.Д.* Методологические и теоретические предпосылки совершенствования социально-психологического климата коллектива // Регуляция социально-психологического климата трудового коллектива. Л., 1986.
6. *Руберт И.Б.* Становление и развитие английских регулятивных текстов (структурные, семантические, прагматические аспекты): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1996.
7. *Слюсарева Н.А.* Функции языка // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
8. *Филимонова О.Е.* Язык эмоций в английском тексте. Когнитивный и коммуникативный аспекты: монография. СПб., 2001.
9. *Чаковская М.С.* Текст как сообщение и воздействие. М., 1986.
10. *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.
11. *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М., 1975.
12. *Bernstein B.* Class, Codes and Control I // Theoretical Studies Towards a Sociology of Language. London, 1972.
13. *Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge University Press, 1987.
14. *Halliday M.A.K.* Explorations in the Functions of language. London, 1974.
15. *Turner G.* Social Class and Children's Language of Control at Age Five and Seven // Class, Codes and Control; 2// Theoretical Studies Towards a Sociology of Language. London, 1972.